

А. В. Малинов

«ШКОЛЬНАЯ» ФИЛОСОФИЯ В КУЛЬТУРЕ РУССКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ¹

Русская философия XVIII в. не богата яркими событиями, крупными именами или значительными теориями. В то же время в историко-философском отношении XVIII в. занимает особое место в русской философии, резко отличающее его как от предшествующей, так и от последующей эпох. В истории философии сложилась устойчивая тенденция, перерастающая в историографическую традицию, рассматривать XVIII столетие в качестве начала русской философии. XVIII в. оспаривает философское первородство у предшествующих семи веков русской истории. У этой точки зрения есть как сильные, так и слабые стороны. Не рассматривая аргументы сторонников долгой и краткой истории русской философии, замечу лишь, что едва ли исторически оправданно лишать процесс христианизации Руси философского содержания и значения. Без него останутся непонятными, безосновными и религиозно-философский ренессанс начала XX в., и народившийся на патристической почве недоговоренный славянофильский онтологизм, и не лишенная самолюбования критика П. Я. Чаадаева, и историософия со всеми вытекающими из нее линейными моделями (вплоть до прогрессизма) исторического процесса.

Философское своеобразие XVIII в. придает то, что это — век Просвещения. Как всякая крупная историческая эпоха, Просвещение не лишено противоречий. Заметны они и в философии. Однако в первую очередь следует указать на неравнозначность «восемнадцатого века» и «Просвещения» как культурно-исторических и историко-философских явлений. Хронологически XVIII в. «шире» Просвещения, но содержательно Просвещение выходит за рамки XVIII столетия, причем, так сказать, по обе стороны. Просветительские тенденции проглядывают уже в предшествующем столетии, а отголоски Просвещения слышны далеко в веке девятнадцатом.

Временные пределы русского Просвещения можно определить с достаточной степенью точности, если исходить из историко-культурного содержания самого этого явления. Прежде всего, надо заметить, что Просвещение — не философская эпоха. Наибольшего успеха просветители добились не в области чистой мысли, а в публицистике. В Европе эта невыразительность просветительской философии особенно заметна по контрасту с наследующей ей немецкой классической философией.

Процесс секуляризации, инициированный Просвещением, коснулся в узком смысле церковного землевладения, а в широком — различных сфер жизни, в том числе способствовал освобождению философской мысли от богословской проблематики. Новый стиль мышления задавался, с одной стороны, юридическим сознанием, а с другой — логико-математическими дедукциями философского рационализма.

Малинов Алексей Валерьевич — д-р филос. наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: a.v.malinov@gmail.com

¹ Работа выполнена в рамках программы проведения фундаментальных научных исследований по областям знаний, обеспечивающих подготовку кадров в СПбГУ по теме «Комплексное историко-философское и музееведческое исследование “Петербургская философия как историко-философское явление”» (23.38.91.2012).

© А. В. Малинов, 2013

Просвещение не случайно называют веком разума. В преобладании рационального мышления — его главная философская заслуга. Рационалистические тенденции многообразно проявились в интеллектуальной культуре XVIII в. Они нашли отражение и в критике предрассудков, прежде всего религиозных, отклоняющих разум от прямого познания мира, и в идее порядка. Мировоззренческая установка Просвещения побуждала видеть в мире проявление разумного порядка, что делало этот мир постижимым, гомогенным в своей открытости человеческому разуму. Тем самым познание мира сводилось в первую очередь к фиксации такого порядка. Основным способом познания становится классификация, распределяющая вещи и события по строго установленным таксонам. Познать — означает найти место вещи или явления в общем порядке сущего, зафиксировать его в классификационной схеме. Классификации подлежат и человеческие знания. Выстроить классификацию наук на основе принципа пользы в России XVIII в. пытался В. Н. Татищев. Характерной формой классификации наук и человеческих знаний для Просвещения становится энциклопедия, распределяющая достижения человеческого духа согласно алфавитному порядку языка. Рациональная основа порядка обнаруживается и в идее прогресса — еще одном порождении философии Просвещения. С одной стороны, прогресс понимается в первую очередь как интеллектуальный процесс расширения наших знаний о мире, лучшего понимания происходящих событий. С другой стороны, прогресс позволяет упорядочить знания, расположив их в хронологическом порядке, и тем самым наглядно показать их рост от эпохи к эпохе.

Кумулятивная версия прогресса, предложенная Просвещением, означает научно-познавательное возвышение современности над предшествующими историческими периодами. Человек эпохи Просвещения живет в настоящем и настоящим, сознавая свое интеллектуальное превосходство; его взгляд обращен на современность и в будущее. Для него все самое главное, важное и интересное происходит здесь и сейчас. Смысловая реабилитация современности хорошо заметна в тех переменах, которые произошли во взглядах на историю [1]. Если традиционная историография допускала возможность изучения лишь древней истории и первых веков христианства, то историки XVIII в. все ближе продвигают историю к современности. Так, А. Л. Шлёцер пишет историю средних веков, а Г. Ф. Миллер доходит в своем изложении до XVII в. В 1716 г. выходит «Рассуждение о причинах войны» подканцлера П. П. Шафирова, а вскоре при участии самого государя готовится «История Свейской войны». В год публикации этого сочинения до окончания Северной войны оставалось еще четыре года, но ее история уже составлялась.

Пожалуй, наиболее существенным признаком Просвещения становится эмансипация культуры и общества от государства. Если в первой четверти XVIII в. инициатива культурных перемен исходит исключительно от государства, то со второй трети века постепенно нарастает активность отдельных социальных групп и даже индивидов в сфере науки, культуры, искусства, образования, литературы, издательского дела. Первым актом такой инициативы стал 1730 г., когда собравшиеся в Москве дворяне в ожидании ответа и приезда Анны Иоанновны по предложению Верховного тайного совета стали подавать проекты государственного устройства России. После смерти Петра I прошло всего пять лет, но оказалось, что в России существуют общественные группы, сознающие свои интересы и их отличие от интересов государства, требующие признания их со стороны государства, их гарантий и защиты. События 1730 г. стали

первым проявлением общественного самосознания в России, продемонстрировали, что в России народилось общество, постепенно потесняющее государство на поприще культуры, науки, образования и готовое заявить свои политические притязания. В течение следующего полувека государство все больше теряло инициативу в этой сфере, понимая различие и даже порой противоречие между своими целями и интересами и целями и интересами общества. Не случайно в конце XVIII в. государство предпринимает попытку остановить нарастающую активность общества. Знаковыми в этом отношении стали репрессии против масонов, Н. И. Новикова, А. Н. Радищева в конце екатерининского царствования. Русское Просвещение, таким образом, хронологически укладывается в шесть десятилетий между 1730 г. и началом 1790-х годов.

Еще В. В. Зеньковский отмечал типичность философских течений XVIII в. для последующей русской философии. В философии XVIII в. он усматривал «вольтерьянство», новую идеологию национализма, религиозно-философские искания вне церкви и «школьную» философию [2, с. 85]. Собственно говоря, именно «школьная» философия дала большую часть «чисто» философских текстов XVIII в., чем заметно отделила свое столетие от предшествующей эпохи, не отличавшейся такой философской «чистотой». Другое дело, что частота такой «чистоты» находилась в отношении обратно пропорциональном к оригинальности философских сочинений, большинство из которых представляли собой компиляции популярных в Европе учебников философии.

В теоретическом отношении просветительская философия дала не много. Напротив, ее культурное значение в деле повышения интеллектуального уровня, формирования философской культуры и даже воспитания российского общества трудно переоценить. Заметную роль в этом процессе сыграла «школьная» философия. Постепенно происходившее становление профессиональной философии, знакомство с западноевропейскими философскими учениями дает основание относить русскую философию XVIII в. к подготовительному периоду, видеть в просветительской философии ученичество перед Западом. Эта противоречивость философии XVIII в. отчасти позволяет понять, почему она не получила однозначной оценки, оставляет ощущение незавершенности и недоговоренности. Такое ученичество не изжито еще и в современной русской философии, как будто боящейся самостоятельной мысли и собственного слова.

«Школьная» философия появляется в России вместе с перенимаемой у Запада светской системой образования. Философия становится одной из преподаваемых в учебных заведениях дисциплин, необходимым элементом системы обучения. Вместе с этим она начинает рассматриваться и как одна из наук, которой надлежит следовать общему идеалу сциентизма. У науки и философии общее основание — разум. В этом их единство и возможность взаимополезного обмена истинами: аксиомы философии служат обоснованию научных импликаций, а данные науки становятся предметом философского осмысления. Там, где знание невозможно добыть эмпирическим путем, оно достигается умозрением. Так, в частности, понимал роль философии М. В. Ломоносов.

Подобно любой уважающей себя науке, философия стремится выработать свой профессиональный жаргон. «Школьная» философия пытается не только осмыслить категориальный багаж мировой философской мысли, но и найти эквиваленты в русском языке, разработать русскоязычную философскую терминологию, позволяющую мыслить на русском языке, мыслить по-русски, или, что принципиально, просто мыслить. Философским лексиконом снабжает свои философские курсы Феофилакт Лопатинский. Первый русский учебник по философии «Знания, касающиеся вообще до фи-

лософии, для пользы тех, которые о сей материи иностранных книг читать не могут» (1751), написанный Г. Н. Тепловым, предваряет словарь русских, латинских и французских философских терминов. В своем небольшом трактате «Слово о мудрости, благоразумии и добродетели» (1752) В. К. Тредиаковский употребляет русскоязычные эквиваленты философских понятий, тут же в сносках указывая их латинские, греческие или французские оригиналы.

Первоначально «школьная» философия перенималась и распространялась в России в своем исходном латинском исполнении. Лекции по философии читали по-латыни не только приглашенные профессора, но и русские преподаватели. Однако выработка русскоязычной терминологии давала возможность перейти в преподавании философии на родной язык. В «Речи, говоренной в начатии философических лекций при Московском университете» (1755), произнесенной на латинском языке, Н. Н. Поповский (1730–1760), один из учеников М. В. Ломоносова, высказывался за необходимость преподавания философии и других наук на русском языке: «Что ж касается до изобилия российского языка, в том перед нами римляне похвалиться не могут. Нет такой мысли, кою бы по-русски изъяснить было невозможно. Что ж до особых надлежащих к философии слов, называемых терминами, в тех нам нечего сомневаться. Римляне по своей силе слова греческие, у коих взяли философию, переводили по-римски, а коих не могли, те просто оставляли. По примеру их то ж и мы учинить можем... итак, с божием споспешествованием начнем философию не так, чтобы разумел только один изо всей России или несколько человек, но так, чтобы каждый российский язык разумеющий мог удобно ею пользоваться» [3, с. 91]. М. В. Ломоносов опубликовал эту «Речь» по-русски во второй части «Ежемесячных сочинений, к пользе и увеселению служащих». Однако попытка перевести преподавание на русский язык привела к конфликту Н. Н. Поповского с иностранными профессорами и послужила поводом к увольнению его из Университета в ноябре 1758 г.

Неудача Н. Н. Поповского не могла остановить начавшегося процесса русификации профессиональной философии. Учебник Г. Н. Теплова (1717–1779), возглавлявшего исторический департамент Петербургской академии наук, под названием «Знания, касающиеся вообще до философии», давая достаточно полное для своего времени представление о школьной философии, предварялся «Объявлением слов, которые в философской материи по необходимости приняты в том разуме, как приложенные к тому латинские и французские разумеются», т. е. кратким философским словарем, в котором были приведены 27 терминов на русском языке с соответствующими латинскими и французскими эквивалентами. С 1742 г. Г. Н. Теплов служил с перерывами в Петербургской академии наук и читал лекции по практической философии.

Книга начиналась с обращения «К читателю», содержащего общие рассуждения о «силах» разума и пользе науки, а также традиционное разделение философии на теоретическую и практическую. Теоретическая философия в основных своих чертах совпадала с физикой, т. е. изучала «всех тел чувствительных и видимых бытность, качество, количество, движение, перемену и все из того происходящие явления» [4, с. 212]. В практической, или моральной, философии раскрывались «должность к Богу, монарху и ближнему, обязательство к самому себе, к дому своему и проч.» [4, с. 212].

Учебник делился на три части. Первая часть «О должности и имени философа» включала 5 глав («О должности философа», «О историческом познании», «О познании философском», «О познании математическом», «Изъяснение слова философии»), кото-

рые в свою очередь состояли из параграфов (с 1-го по 46-й). Вторая часть включала три главы: «О философии варварской», «О философии греческой», «О философии Средних веков и Новой», состоящие из параграфов с 47-го по 78-й. Третья часть «О средствах, надобных для управления разума нашего в исследовании истины» включала 8 глав: «О бытии вообще и существе всех вещей особно», «О веществе и его различных образах», «О взаимности вещей, когда они одна без другой быть не могут, в которой изъясняется, что значит *небытие* и прямо *ничто*», «О возможном и невозможном», «О том, что необходимо надобно, и что по случаю только бывает», «О продолжении пребывания вещей и времени», «Что разуметь надобно через слово *тожде*, или тождество», «О вине и от нее произведенных действиях, что у философов эффектом называют», состоящих из параграфов с 79-го по 102-й. «Знания, касающиеся вообще до философии» были обозначены автором как книга первая. Он собирался написать продолжение, посвященное логике, но своего намерения не исполнил.

Г. Н. Теплов различал по степени точности и совершенства три вида познания. Познание первого вида — *историческое*, опирающееся на опыт и чувства — просто фиксирует существование, или, по словам автора, «голое известие о бытности». Это еще не точное познание, а легкое и ошибочное, которое лишь уверяет нас в том, что нечто существует, но не говорит о том, *что* есть это нечто. Историческое познание может быть простым, т. е. только чувственной данностью, и осмотрительным, т. е. уже действующим разум. Когда к познанию подключается разум, мы переходим к следующему виду — познанию *философскому*. Исходя из установленного историческим познанием существования, философское познание доискивается причины этого существующего. Причина позволяет говорить об однозначности и определенности существующего, о том, что нечто есть так, а не иначе, о том, *что* есть это нечто. Причина устанавливается посредством рассуждения и доказательства и выражается в понятии. В результате Г. Н. Теплов дает следующее определение философии: «Философиею называем и изъясняем науку, которая в себе заключает действие разума такое, через которое кто может предложение некоторое из приведенных и прямых начал законными средствами доказать, или называем такое знание, через которое можем вещь доказывать через ее причины, или от известных вещей знать их неизвестные, чего ради обыкновенно ученые люди говорят: философ — ничто без доказательств» [4, с. 240]. Философское знание уже дает нам знание о вещи, а не просто веру или уверенность. Высшим же видом познания является познание *математическое*, устанавливающее количество и силу причины. Это еще более ясное и определенное знание, связанное с измерением действия причины.

Философия, полагает Г. Н. Теплов, познает посредством разума неизвестные вещи через известные. Она постигает то, что есть и может быть, т. е. вещи действительные и возможные. Возможные вещи — те, которые не существуют реально, но имеют причину для своего бытия. Причина раскрывается разумом, т. е. всё то, о чём мы можем помыслить, принадлежит сфере возможного бытия и является предметом философского рассуждения. Единственный критерий здесь — логическая непротиворечивость. Возможно всё то, понятие о чем не содержит противоречия. Противоречие же в понятии, т. е. невозможное, соответствует небытию. Г. Н. Теплов приводит примеры таких противоречивых понятий: деревянное железо, мыслящий камень, мокрый огонь, сухая вода и т. п. Помимо рассуждения о вещах, являющегося прерогативой онтологии, философия исследует и способности познания, изучению которых служит логика. Свое

произведение автор посвящает разработке онтологической проблематики и разбирает понятия бытия, существа, «особного пребывания» или сущности вещи, изменения и тождества в пребывании, вещества, или субстанционального существования, причины (вины) и следствия (эффекта) и т. д. Несмотря на вполне правоверное изложение вольфианства, Г. Н. Теплов пытался полемизировать со своим германским гуру, оставаясь, впрочем, в рамках допустимых рационализмом вариаций.

С учебными целями был опубликован и трактат Я. П. Козельского (1728 — после 1793) «Философические предложения» (1768), не получивший, однако, среди современников ни признания, ни распространения. «Философические предложения» — произведение компилятивное, составленное на основе сочинений многочисленных европейских авторов, большую часть которых упоминает сам автор: Ф. Х. Баумейстер, Ж.-Ж. Руссо, Ш. Л. Монтескье, К.-А. Гельвеций, Э. Шефтсбери и др. Я. П. Козельский постарался дать систематическое изложение по пунктам основных положений современной ему рационалистической «школьной» философии и представить основные этико-юридические доктрины, опирающиеся прежде всего на теорию естественного права. Для этой цели он разделил свое сочинение на два больших раздела: теоретическую философию (249 пунктов), включающую в качестве подразделов логику и метафизику, и нравоучительную, или практическую, философию (472 пункта), распадающуюся на юриспруденцию и политику. Я. П. Козельский обращался в первую очередь к здравому смыслу своих читателей и лишь на основе «ясно разумеемых» слов давал последующие определения. «Я писал коротко так и там, — уточнял он, — как и где думал я, что без дальнего разбору речи мои разуметь можно будет, а как и где не чаял, чтоб выразумели другие, то в таких случаях писал пространнее и единственно имел при сем сочинении предметом моим читателю пользу» [5, с. 423–424].

В философии русского Просвещения можно указать две стороны — подражательную и критическую. Выражением первой как раз и являлась «школьная» философия, подготовившая восприятие и усвоение немецкой классической философии. Реакция на широкое, в том числе и философское, западное влияние начала нарастать в русской культуре с середины XVIII в. Критика европеизма постепенно переросла в явление, которое можно назвать «просвещенным национализмом», философские следствия из которого были выведены уже в веке девятнадцатом.

Осмысление пришедшегося на вторую половину XVIII столетия становления национальной культуры сопровождалось рядом дискуссий. Первой из них стала полемика по норманнскому вопросу. Обсуждение диссертации Г. Ф. Миллера, начавшееся в 1749 г., продолжалось на академических собраниях до весны 1750 г. Причиной спора стала публикация тезисов диссертации Г. Ф. Миллера «О происхождении имени и народа российского», с которыми он по первоначальному решению Академии наук намеревался выступить перед императрицей во время ее визита в Академию наук. В своей автобиографии историк следующим образом упоминал об этом событии, имевшем для него печальные последствия: «В 1749 г. написал я на латинском языке сочинение о начале российского народа и имени, переведенное и на российский язык и напечатанное на обоих языках. Сие сочинение было определено для прочтения в публичном академическом собрании; но по собливному происшествию учинилось в том препятствие, и сие сочинение не обнародовано» [6, с. 153]. Труд Г. Ф. Миллера встретил резкое сопротивление среди большинства других членов Академии, а его главным противником выступил М. В. Ломоносов, которого поддержали академики С. П. Крашенинни-

ков, Н. И. Попов, В. К. Тредьяковский, И. Э. Фишер, Ф. Г. Штрубе де Пирмонт. В своем «репорте» М. В. Ломоносов пристрастно разбирал сочинение Г. Ф. Миллера, считая, что оно построено на «зыблющихся основаниях», «и весь корпус диссертации сочинен без связи и порядку, а особливо она для многих дигрессий весьма темна» [7, с. 21]. В то же время русский ученый признавал: «Правда, что и в наших летописях не без вымыслов меж правдою, как то у всех древних народов история сперва баснословна, однако правды с баснями вместе выбрасывать не должно, утверждаясь только на одних догадках» [7, с. 18]. В итоге академики осудили доклад Г. Ф. Миллера, он был из профессоров переведен в адъюнкты, а его «скаредную диссертацию» было решено уничтожить.

Следующим этапом критики европеизма стал развернувшийся в 1769 г. на страницах журналов «Всякая всячина» и «И то и сию» спор о татарских нравах, в котором принял участие А. П. Сумароков. В 1770 г. в Петербурге на французском языке, в следующем году на немецком языке в Амстердаме, а в 1772 г. по-английски в Лондоне был издан двухтомник «Антидот, или Проверка дурной книги, превосходно изданной под заглавием: Путешествие в Сибирь...», в котором подробно разбирались, комментировалось и опровергалось сочинение Шаппа д'Отроша «Путешествие в Сибирь... содержащее в себе нравы и обычаи русских и теперешнее состояние этой державы» (1768). Инициатором и одним из авторов этих публикаций была Екатерина II. В них затрагивался и обсуждался вопрос о значении нравов и о русских нравах в частности, а также впервые поднимался вопрос о русском национальном характере.

В 1783 г. Д. И. Фонвизин поместил в третьей части журнала «Собеседник любителей российского слова» вопросы, среди которых вновь прозвучал вопрос о русском национальном характере. Ему отвечала сама императрица Екатерина II. В 1786 г. в своем драматическом сочинении «Из жизни Рюрика» Екатерина II вновь обратилась к этой теме. Особенности русского характера в пьесах «Рослав» (1783) и «Вадим Новгородский» затрагивал Я. Б. Княжнин. В повестях «Наталья боярская дочь» (1792), «Лиодор» (1792) и в «Письмах русского путешественника» (1791–1792) о русском характере рассуждал Н. М. Карамзин. В конце века к обсуждению русских нравов подключилась публицистика. В журнале «Зритель» в 1793 г. П. А. Плавильщиков опубликовал статью «Нечто о врожденном свойстве душ русских», а в 1802 г. в журнале «Корифей» вышло его «Мнение о характере русских». К этой теме на страницах своих сатирических журналов неоднократно обращался Н. И. Новиков. Упомянутые сюжеты подробно рассмотрены в последней книге Ю. В. Стенника [8]. Результатом дискуссий стало формирование русского национального сознания, нашедшего отражение в отечественной литературе, искусстве и философии. XVIII столетие, начавшееся активизацией знакомства с европейской культурой и ученичеством перед Западом, завершилось выработкой национального сознания, в полной мере проявившего себя в грозную годину 1812 г.

Новым явлением в русской культуре и философии, привнесенным Просвещением, надо признать утилитаризм в этике и обосновании науки и философии. Практицизм петровской эпохи мало способствовал привлечению внимания к философии. Исключение здесь составляет, пожалуй, только политическая философия, имеющая, по мысли первого российского императора, прикладное значение для воспитания государственных мужей. Особой популярностью пользовались переводы сочинений немецкого правоведа С. Пуфендорфа, хотя и они испытали на себе тягость запрета. Утилитаризм способствовал становлению секулярной морали, провозвестниками которой выступили А. П. Сумароков и Н. И. Новиков. Дельцы петровской эпохи привнесли новое отно-

шение к науке и образованию, призванным служить прежде всего нуждам государства. В практической пользе науки находила оправдание и «школьная» философия.

Однако для развития теоретической философии атмосфера была не слишком благоприятной. Философия, выходящая за рамки «школьной» программы, лишенная назидательности или любого другого практического эффекта, едва ли могла вписаться в общее направление культурной политики русского XVIII века. Практическая философия находила свое оправдание в синкретизме этической и социально-политической проблематики. Умозрительность же других основных разделов философии входила в явное противоречие с господствующим духом практицизма.

Человеку XVIII в. мир дан для обладания и действия в нем. В русской культуре XVIII в. преобладают экстенсивные тенденции. Динамизм культурных процессов сказывается и на философии, перед которой стоит задача знакомства с европейской философией и усвоения ее. В этом значение «школьной» философии. Однако профессионализация русской философии далась дорогой ценой: отказом от свободы мышления и потому — от творческого начала в философии. Отдельно стоящая в русской философии XVIII в. фигура Г. С. Сковороды, часто принимаемого за первого самобытного мыслителя, очень сомнительна в этом отношении. Творчество его скорее означает архаизацию философии. Г. С. Сковорода не открывает новую эпоху в русской философии, а завершает предыдущую — традицию Киево-Могиланской академии. Не вписываясь в современную ему эпоху, ускользая от мира, Г. С. Сковорода пользуется той же тактикой: он постоянно в движении. Философская установка означает данность мира человеку для познания и созерцания. Для философии нужна остановка, оглядка на мир, может быть, даже «затаивание дыхания», дающее жизненную паузу, выводящую за пределы повседневной суеты. С внешней стороны занятие философией предполагает возможность свободного и обеспеченного существования. Однако XVIII в. не создает таких условий. Досуг и достаток станут уделом другого поколения русских мыслителей, когда и появится новый тип философа, воплощением которого будут П. Я. Чаадаев и славянофилы.

Литература

1. Малинов А. В. Философия истории в России XVIII в. СПб.: Летний сад, 2003. 240 с.
2. Зеньковский В. В. История русской философии. Л.: Эго, 1991. Т. 1. Ч. 1. 222 с.
3. Поповский Н. Н. Речь, говоренная в начатии философических лекций при Московском университете гимназии ректором Николаем Поповским // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII в.: в 2 т. Т. 1. М.: Политическая литература, 1952. 741 с.
4. Теплов Г. Н. Знания, касающиеся вообще до философии, для пользы тех, которые о сей материи чужестранных книг читать не могут, собраны и изъяснены Григорием Тепловым // Философский век. Альманах. Вып. 3. Хр. Вольф и русское вольфианство. СПб., 1998. 393 с.
5. Козельский Я. П. Философические предложения // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII в.: в 2 т. Т. 2. М.: Политическая литература, 1952. 606 с.
6. Автобиография Г. Ф. Миллера. Описание моих служб // Миллер Г. Ф. История Сибири: в 3 т. Т. 1. М.: Восточная литература, 1999. 630 с.
7. Ломоносов М. В. Замечания на диссертацию Г. Ф. Миллера «Происхождение имени и народа российского». Репорт в Канцелярию Академии наук 16 сентября 1749 г. // Ломоносов М. В. Избранные произведения: в 2 т. Т. 2. М.: Наука, 1986. 496 с.
8. Стенник Ю. В. Идея «древней» и «новой» России в литературе и общественно-исторической мысли XVIII — начала XIX века. СПб.: Наука, 2004. 278 с.

Статья поступила в редакцию 6 декабря 2012 г.